

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ЭТИЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ В ПРИКЛАДНЫХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ГОРОДА

МАРГАРИТА АНДРЕЕВНА ЧУБУКОВА^[1]

✉ MCHUBUKOVA@GMAIL.COM

^[1]Группа прикладных антропологов «Артель», Москва, Россия

Для цитирования статьи:

Чубукова, М. А. (2019). Проблема ответственности: этические сложности в прикладных антропологических исследованиях города. *Фольклор и антропология города*, III(3–4), 134–153.
DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-134-153.

В тексте статьи предпринимается попытка представить комплекс этических трудностей, с которыми приходится сталкиваться в офлайн-исследованиях прикладному городскому антропологу, привлекаемому на разных этапах реализации проектов пространственного развития. Помимо теоретических источников в качестве материала использованы восемь экспертных интервью с действующими российскими профессионалами из академии и из сферы консалтинга.

Вопросы, предваряющие анализ собранных высказываний, могут быть сформулированы следующим образом: как принято трактовать понятия «этика» и «этичное поведение» в прикладных социальных исследованиях и где проходит водораздел между формальными этическими требованиями (кодексами) и реальными этическими проблемами?

Собранные данные позволили выделить и проиллюстрировать основные этические сложности, возникающие во взаимоотношениях с тремя группами. Так, в ходе общения с информантами исследователь сталкивается с этическими дилеммами, и на этапе «входа» в поле, при самопрезентации, и в начале работы, и в ходе подготовки отчетных документов. При общении с заказчиком под вопросом оказывается статус исследователя и его исследовательские стратегии: может ли антрополог оставаться неангажированным, работая с заказчиком и партнерами. Ответственность перед профессиональным сообществом равнозначна ответственности перед собой: в ходе обсуждения этой проблемы в статье уделяется внимание корректности осуществляемых исследований и представлению результатов, разнице в академических и прикладных подходах, а также особенностям работы внутри команды прикладных антропологов.

Ключевые слова: прикладная антропология, этика, городская антропология

Выражаю искреннюю благодарность коллегам, поделившимся собственным опытом проведения прикладных качественных исследований, а также рецензенту этой статьи, чьи комментарии позволили пересмотреть свой подход к работе над текстом.

THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY: ETHICAL COMPLICATIONS IN APPLIED RESEARCH I N URBAN ANTHROPOLOGY

Margarita A. Chubukova^[1]

✉ MCHUBUKOVA@GMAIL.COM

^[1] APPLIED ANTHROPOLOGISTS TEAM ARTEL', MOSCOW, RUSSIA

TO CITE THIS ARTICLE:

CHUBUKOVA, M. (2019). THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY: ETHICAL COMPLICATIONS IN APPLIED RESEARCH IN URBAN ANTHROPOLOGY. *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY*, II(3–4), 134–153. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-134-153. (IN RUSSIAN).

This article attempts to recreate the collective anthropological self-reflection that demonstrates how professionals face the multiple ethical complications that arise during both fieldwork and processing of the collected materials, during communication with customers, colleagues and informants. Apart from the theory, this brief study is based on 8 expert interviews with professional anthropologists working both in applied research and in academia.

The questions that precede the analysis of the interviews are as follows. How should we understand “ethics” and “ethical behavior” in applied social sciences? Where should the line be drawn between formal ethical requirements (codes) and real ethical complications? Highlighting major ethical issues, the colleagues argue that there are three fields of responsibility that anthropologists have to focus at: communication with informants, communication with sponsors and communication with the “anthropological” corporation. In communication with their respondents, researchers face ethical dilemmas at the stage of “entering” the field, in the moment of self-representation, at the beginning of the fieldwork and while writing final reports as well. Dealing with sponsors and partners, anthropologists have to answer the question of whether they are able to be unbiased. Furthermore, one’s responsibility towards the professional community equals one’s responsibility towards oneself. Furthermore, one’s responsibility towards the professional community equals one’s responsibility towards oneself. The correctness of the research and of presentation of its results, controversies in academic and applied approaches are considered in the last part of the article that is dedicated to relationships in a team of applied anthropologists.

Keywords: urban anthropology, applied anthropology, ethics

I am sincerely grateful to my colleagues who shared their experience of conducting applied qualitative research and to my peer reviewer, whose comments allowed me to revise my approach to working upon my texts.

«ВОН ИЗ ПРОФЕССИИ»?

Некоторое время назад мне пришлось сделать небольшое прикладное исследование, в ходе которого требовалось определить степень лояльности местных жителей к девелоперскому проекту. Было непросто с самого начала однозначно оценить, способно ли

строительство нового объекта принести горожанам благо или содержит скрытую угрозу их повседневному распорядку. Кроме того, очень хотелось верить, что заказчика, решившего под лупой разглядеть, как живет локальное сообщество, в которое он собирался вторгнуться, интересуют не только финансовые и репутационные риски, но и проблемы социальной устойчивости. Видимо, поэтому я не только не отказалась от поля, но и решила привлечь нескольких коллег. Они согласились, и это утвердило меня в правомерности выполнения работы.

«Подписавшись», мы принялись за дело, но очень быстро столкнулись с проблемой: нам предъявлялись требования, прямое соблюдение которых, порой казалось, было за гранью допустимого (подтверждение этому можно найти в любом из антропологических этических кодексов¹). Скрыть настоящего заказчика и истинные цели исследования, а также передать поименный список всех проинтервьюированных информантов — вот, пожалуй, самые грубые нарушения, на которые мы отчасти все-таки пошли, рискуя самым ценным для практика. Под угрозу пришлось поставить доверие исследуемого сообщества и, как следствие, доверие коллег.

К счастью, в описанном случае все не просто обошлось, но и закончилось наилучшим образом: девелопер отказался от своего проекта, в том числе, видимо, и благодаря результатам нашего исследования, которое показало, что его вмешательство крайне нежелательно.

Сегодня этот опыт вспоминается как захватывающее, но довольно постыдное приключение. После подобных сделок с совестью, глядя на себя со стороны, хочется либо малодушно лишиться себя профессиональных прав, либо раз и навсегда придумать рабочую схему, позволяющую предотвращать похожие ситуации. Очевидно, совсем их избежать невозможно, однако, как кажется, лучше понимая процессы, в которые встраиваются антропологические исследования, можно снизить риск попадания в этические ловушки. Также в этом случае необходимо определить, что такое — «правомерное», «нормативное», что именно определяется через этические кодексы и установки.

Цель этой публикации заключается в том, чтобы зафиксировать типовые случаи, в которых российские антропологи сталкиваются со сложностями этического характера при проведении прикладных полевых качественных городских офлайн-исследований.

Для того чтобы приблизиться к этой цели, я рассмотрела тематические источники и провела несколько экспертных неформализованных интервью с коллегами, имеющими разный опыт участия в прикладных исследовательских проектах, посвященных изучению городов. С характеристиками собеседников можно ознакомиться в приложении

¹ В числе примеров сводов этических правил — кодекс Американской ассоциации антропологов (AAA), в том числе внутри Ассоциации действует Общество прикладной антропологии (SfAA) с собственными положениями об этике и профессиональной ответственности, кодексы Национальной ассоциации антропологической практики (NAPA) и Ассоциации социальных антропологов Великобритании и Содружества наций (ASA) и др.

(см. Табл. 1). В ходе разговора предлагалось поделиться своим опытом и наблюдениями, отвечая на ряд вопросов (с последующими уточнениями):

— когда антрополога привлекают к участию в городских проектах и какую роль он выполняет в них?

— когда возникают «сложные» с этической точки зрения моменты и в чем состоит напряжение?

— как процесс академического исследования отличается от процесса прикладного в этическом плане?²

Хочется верить, что получившийся в итоге текст может принести некоторую методическую пользу: проводя ревизию ситуаций, «конфликтных» с той или иной точки зрения, мы начинаем лучше ориентироваться в поле — заранее устанавливать правила и выстраивать эффективные коммуникативные стратегии при общении с исследуемым сообществом, заказчиком, коллегами. Еще раз определив содержание понятия «этика», я постараюсь очертить общую структуру городских проектов, а далее посмотрю на собранный в ходе интервью материал с трех ракурсов: останавливаясь на проблемах, возникающих при взаимодействии с представителями исследуемого поля, спонсорами антропологических исследований и внутри профессионального сообщества.

Табл. 1. Список интервью и проинтервьюированных экспертов

№ интервью	Пол	Исследовательская практика	Сфера научных интересов
1	Ж	7 лет	Антропология детства
2	Ж	15 лет	Антропология Севера
3	Ж	15 лет	Антропология города, локальный текст города, мифология города, городские субкультуры
4	М	23 года	Городская антропология, интернет-фольклор
5	Ж	8 лет	Антропология города, антропология туризма
6	М	20 лет	Антропология и социология города
7	Ж	6 лет	Символическая антропология, философия языка
8	М	32 года	Фольклор, антропологические исследования города

² Во многом этот вопрос был подсказан уже состоявшейся дискуссией на страницах «Антропологического форума», в котором задавался вопрос о том, «где проходит грань “дозволенного” для науки? Что, в конечном счете, для нас важнее — соблюдение этических требований по отношению к информантам или выявление и сохранение информации?» [Абашин 2006: 8]. В прикладном исследовании ценность «добытой» информации измеряется в степени ее полезности для проекта, а не абстрактного знания о мире, именно поэтому гипотетически вопрос о «дозволенном» начинает играть новыми красками.

К ПОНИМАНИЮ ЭТИКИ В КАЧЕСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В своей недавней публикации об этических проблемах в качественных социальных исследованиях со ссылкой на предшественников Людмила Бархатова предлагает две объяснительные модели, отражающие представления об этическом поведении исследователя: «этический абсолютизм» (или этический универсализм) и «этический релятивизм» (ситуационная этика) [Бархатова 2019: 46–48]. Судя по проведенным интервью, последняя модель выглядит более жизнеспособно, чем первая. Посмотрим на их отличия.

В первом случае этическое поведение регламентируется преимущественно набором правил, закрепленных в профессиональных этических кодексах. «Правильно» себя ведет тот, кто следует нормам; контроль за их соблюдением может быть даже возложен на специальные этические комиссии. В центре внимания оказывается информант, который в ходе исследования и по его результатам не должен подвергаться никаким рискам.

Этот подход явно годится для борьбы с хрестоматийными примерами «нарушений». Наиболее известные из них перечисляют Джордан и Бэинтон [Jordan 2012, Bainton 2012: 14–15]: проект «Камелот» (1964, исследование поведения повстанцев для последующего социального программирования), исследование больных сифилисом без лечения в Таскиги (1932–1972), неэтичный бизнес концерна Тусо и корпорации Lockheed, программа Human Terrain System (в рамках которой антропологи помогали американской армии лучше понять то или иное местное население и начать эффективно коммуницировать с ним), проект интернирования американцев японского происхождения при участии этнографов War Relocation Authority и не только. Подобные кейсы заостряют проблему создания доверительных отношений между исследователем и исследуемым сообществом, заставляют общество усомниться в возможностях науки и дееспособности государственных и частных заказчиков скандальных проектов. Действительно ли исследователи могут работать в интересах общества, частью которого являются сами?

Противники универсализма критикуют этот подход за то, что он зачастую носит слишком формальный характер, плохо соотносится с исходным целеполаганием (так, соблюдая кодекс, можно и не быть по-настоящему этичным). Один из критиков универсализма — Зигмунд Бауман. Согласно его видению, при универсализме «от человека требуется просто послушное следование правилам. Бауман постоянно указывает на огромную опасность исключения “морального субъекта” в пользу того, кого он называет “актером”, и упразднения личной, незаменимой и несравнимой ответственности за Другого». Среди иллюстраций, которые приводятся для описания применения универсалистского подхода, — пример Холокоста, системы с очень четкими правилами, которые необходимо соблюдать, не рефлексирова

[Троицкий 2019: 9]. Другой, приближенный к исследовательской практике, пример беспрекословного следования объявленным ранее условиям, без учета специфики изменившихся обстоятельств: «Студент-социолог, подрабатывая официантом, вел полевые заметки. В ресторане случился пожар, и для исключения версии об умышленном поджоге его заметки могли бы очень пригодиться. Однако добросовестный студент отказал властям в информации, т. к. раньше обещал сохранить анонимность своих информантов. Страховая компания не выплатила страховку, владельцы не смогли восстановить здание, и в итоге эти же информанты и пострадали, оставшись без работы, в чем сильно пеняли социологу» [Веселкова 2000: 111].

Иной случай — опыт приверженцев «этического релятивизма», которые взяли за правило оценивать ситуацию и принимать решения о правомерности тех или иных поступков из складывающейся «полевой» обстановки, ориентируясь не только на существующие кодексы, но и на собственную, «внутреннюю» этику. Последняя довольно плохо формализуется: в качестве синонима для этого понятия в статье Бархатовой используется слово «мораль», им же пользуется и Бауман. Константин Троицкий показывает, что «в мысли Баумана личная, недегируемая, несравнимая, некалькулируемая, не ищущая взаимности ответственность за Другого — суть морали, а свобода выбора — необходимое условие. Как он пишет: “выбор (непредзаданный выбор, сделанный в ситуации неясности) — место рождения моральной личности и родина морали”» [Троицкий 2019: 7].

С одной стороны, именно появление этических кодексов сделало проблему ответственности перед «другим» столь ощутимой за счет повышения прозрачности деятельности исследователей [Price 2017: 25]. Например, одно из правил, зафиксированных в этическом кодексе Американской Антропологической Ассоциации, гласит: «Как в проектной заявке, так и при выполнении исследования, антропологи не должны скрывать цель(и), возможные воздействия и источник(и) поддержки исследовательских проектов в отношениях с фондами и спонсорами, коллегами, изучаемыми лицами или теми, кто предоставляет информацию, а также с некоторыми сторонами, затронутыми исследованием» [Кодекс 2000: 174]. С другой, видимо, одновременно и отчасти из-за формализации процесса разделение на «этичное» и «неэтичное» нивелировало проблему впоследствии. Тем не менее, и за пределами кодексов все равно остается необходимость обсуждения этических проблем, не вписывающихся в рамки четких правил.

В ходе интервью эксперты моего небольшого исследования зачастую пытались объяснить «этичное» именно через проблематизацию «ответственности», но апеллировали при этом не к кодексам, а к менее формализуемым категориям, чаще действительно лежащим в области морали, поэтому дальше я смотрю на высказывания коллег через призму релятивистского подхода.

Когда и как антропологов привлекают к участию в городских проектах

Прежде чем обратиться непосредственно к рассмотрению специфических ситуаций, в которых возникают сложности этического характера в городских проектах, проясню их структуру, обращаясь к собственному опыту и информации, собранной в ходе интервью.

Сегодня в России социального исследователя приглашают к участию в городских проектах на разных этапах: как на стадии задумки, планирования, так и во время реализации и оценки результатов нововведений — например, после завершения строительства какого-либо объекта или благоустройства. Соответственно, можно выделить три основных этапа: (1) перед разработкой концепции, (2) до начала реализации проекта и (3) после его реализации.

На каждом из этапов возникают свои сложности, и в зависимости от того, насколько высока значимость исследователя в структуре команды проекта, он сталкивается с разными препятствиями этического характера.

Самой благоприятной, с исследовательской точки зрения, считается ситуация, когда антрополога привлекли на самой ранней стадии — тогда потенциально заказчику можно передать как можно больше информации о локальных особенностях, которые необходимо учесть при внедрении нововведений. Также как удача расценивается возможность следить за реализацией проекта, продолжая контролировать корректность использования данных, предоставленных исследователем.

И в какие-то такие моменты привлекают антропологов, когда нужно сказать, что за город, из чего он состоит, что за люди там живут, и какие запросы, потребности у них есть. На предварительном этапе.

Мне лично нравится, когда предварительным этапом все не заканчивается, и такое тоже сейчас встречается все чаще. Уже на моменте подготовки различных проектов, презентаций, еще чего-то антропологу отсылают эти презентации, получившиеся выводы или проекты, и получают некоторый фидбек, и работа продолжается³.

Если исследование проводится, когда план реализации проекта готов, то работающий в поле антрополог может выполнять функцию распространителя информации о перспективах, которые ожидают исследуемое сообщество. Исследование может представляться как «имиджевый» проект, не в первую очередь использоваться в «исходных» целях:

Стало довольно быстро понятно, что всем интереснее сам факт этого исследования и возможность где-то в качестве говорящей головы нас использовать или еще что-то, чем какие-то конкретные результаты⁴.

³ Ж., эксперт в области антропологии города, специализируется на изучении локального текста города, мифологии города, городских субкультурах.

⁴ М., эксперт в области фольклора и антропологии города.

Нередко на этом этапе оказывается уже достаточно трудно что-либо изменить в проекте, но все-таки иногда есть возможность повлиять на его течение и конечный результат.

Исследования, которые проводятся после реализации проекта, обычно бывают нацелены на то, чтобы «измерить степень удовлетворенности» благополучателей или выяснить, как можно «исправить» допущенные ошибки. В этот момент антрополог может находиться в довольно уязвимой позиции, т. к. заказчик может задать вопрос о том, как улучшить те или иные показатели, в то время как исследователь видит, что для исследуемых сообществ это совершенно нерелевантно:

На самом деле, было сложно в первую очередь, что Х (здесь и далее анонимизация сделана мной — М. Ч.) при всем своем таком энтузиазме... У Х есть свое представление, что такое «правильное» и «прекрасное», как должно быть и в какую сторону двигаться. И, соответственно, в этом сложность, когда у человека есть сформированное представление о прекрасном, сказать, что есть другие представления о прекрасном. Что необлагороженные места — это тоже привлекательно⁵.

По степени вовлеченности антрополога в проект можно выделить две позиции. Для этого введу две смысловозначительные категории: ведущий антрополог (*leading/managing anthropologist*) и приглашенный антрополог. При этом можно отметить, что занимаемая позиция — ведущий антрополог или приглашенный — не всегда зависит от степени квалификации специалиста, скорее определяется тем, каким образом к проекту удалось подключиться.

Ведущий антрополог непосредственно работает с заказчиком, архитекторами, урбанистами, городскими администрациями и другими коллегами, напрямую связанными с реализацией проекта. Он, как правило, разрабатывает дизайн исследования, курирует его проведение, несет ответственность за его качество.

Приглашенный антрополог необходим для усиления исследовательской команды, его привлекают для сбора данных на конкретном «участке» поля. Часто он взаимодействует лишь с ведущим антропологом и обладает весьма ограниченным набором полномочий и объемом информации. Если исследование проводится на первом или втором этапе, приглашенный антрополог может чувствовать весьма отдаленную связь с рабочей командой (например, с архитектурным бюро, которое непосредственно занимается разработкой и реализацией проекта), но скорее ощущает собственную автономию, а иногда даже невовлеченность.

В некотором смысле положение дополнительно привлеченного специалиста оказывается по своим свойствам приближено к положению академического исследователя, так как никаких конкретных рекомендаций по проекту обычно от такого «полевика» не ждут, его задача сводится к тому, чтобы ответить на довольно конкретные вопросы. Если внимание ведущего антрополога скорее будет сфокусировано на дальнейшей судьбе проекта, в рамках которого проводится

⁵ Ж., эксперт в области антропологии Севера.

исследование, то работа приглашенного специалиста обычно завершается со сдачей исследовательского отчета.

Это, правда, проблема, что ты все время в прикладных исследованиях в позиции слепого котенка, то есть ты вроде как бы что-то делаешь, но часто не понимаешь конечной какой-то цели.

И вообще очень часто информанты, с которыми потом я продолжала какое-то общение, они спрашивали: как там, что продвигается, какой проект. А ты понимаешь, что ты даже ни в каких общих чатах не состоишь с архитекторами, ты вообще ничего не можешь сказать⁶.

Эти категории во многом условны, но они призваны описать общую тенденцию, связанную с характером проведения городских исследований, которую удалось проявить, общаясь с коллегами. Как можно заметить, ведущему антропологу необходимо быть более гибким, так как работая над проектом, он вынужден встраиваться не только в привычную внутрицеховую схему ценностей, но и успешно взаимодействовать с заказчиком, в роли которого могут выступать инициаторы перемен (например, представители власти) и авторы архитектурных и дизайнерских решений, реализуемых в городах.

Таким образом, приглашенный антрополог, работая в поле, преимущественно сталкивается с этическими проблемами, лежащими в плоскости взаимодействия с информантами, в то время как ведущий антрополог может испытывать сложности при взаимодействии еще и с представителями из сферы, которую обобщенно можно назвать урбанистикой — в нее попадет заказчик, например, в лице девелопера, архитектора, представителя власти. Именно поэтому спектр этических проблем, с которыми сталкиваются ведущие антропологи, по моим наблюдениям, шире.

ЭТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИНФОРМАНТАМИ

«Вход» в поле при отсутствии гарантий

Прежде всего, стоит отметить, что «вход» в прикладное поле расценивается как более простой, чем в случае проведения академического исследования. Все мероприятия, в которые оказываются вовлечены информанты во время прикладного проекта, призваны повлиять непосредственно на их же благополучие. Именно поэтому здесь проблема неполноценного взаимного обмена между информантом и исследователем — когда один делится сведениями о себе, а другой чаще всего может лишь выполнить роль активного слушателя — практически исчезает⁷.

⁶ Ж., эксперт в области антропологии детства.

⁷ Ср. с классической проблемой академического исследования: «В основе этических проблем и дискуссий по их поводу лежит фундаментальная дилемма между необходимостью свободного проведения исследования, публикации результатов и необходимостью соблюдения прав и интересов участников исследования. Любое социальное исследование при сборе информации использует в

Мне кажется, в прикладном таком исследовании как раз открываются просто абсолютно новые и очень важные возможности, в том числе, этические для работы с информантом. То, чего, в общем, академический исследователь где-то лишен, потому что, кроме него, его академического исследования очень редко бывает кому из его информантов интересно, чтобы продолжать в нем участвовать⁸.

Тем не менее, один из самых острых моментов в этом взаимодействии связан с прояснением исследовательских намерений и уведомлением о последствиях: объективно гарантировать, что мнение каждого конкретного человека будет в точности учтено, невозможно в силу нескольких причин. Во-первых, информанты нередко высказывают полярные точки зрения, которые исследователь в итоговом отчете представляет в обобщенном виде. Во-вторых, что серьезнее, антрополог не в силах нести ответственность за деятельность заказчика — он может дать рекомендации, но не проконтролировать, в какой мере заказчик их принимает, а в какой игнорирует. С этим связан один из самых неоднозначных моментов в работе прикладного социального исследователя. Чтобы снизить риск разочарования информантов и не создавать эффекта «завышенных ожиданий», опытные коллеги заранее предупреждают своих информантов, что вероятность быть услышанным невелика, но есть — такая стратегия, хочется верить, помогает сохранять доверие исследуемых сообществ к исследователям.

С самого начала ты должен понимать, что, да, ты влияния не имеешь. И влияние окончательное и бесповоротное имеет только заказчик. Он может положить в стол то, что ты ему скажешь, и, вообще, сделать другое. Да, не имеешь. И никому не обещаешь, что имеешь. Информантам не обещаешь, что имеешь. Говоришь: «Мы можем попробовать. Вместе можем попробовать. Я попробую, хотите, можем попробовать вместе». Их нет. Просто надо это понимать. Все самому понимать и других не вводить в заблуждение⁹.

Естественно, в кодексе довольно трудно прописать необходимость подобных уведомлений, но и умалчивать об этом нельзя. В этой ситуации перед антропологом — тот самый моральный долг: уведомить о непредвиденных последствиях разговора.

Кроме того, иногда так случается, что исследователю приходится возвращаться в поле, в котором он сам или его коллеги уже проводили прикладное исследование, результат которого никого в исследуемом городе не удовлетворил, в этом случае наиболее безболезненный повторный вход в поле возможен только в том случае, если в первый раз исследователю удалось правдоподобно объяснить свои возможности.

Например, в одном из городов мне надо было продолжать исследование дальше, после того, как было понятно, что предыдущие результаты никак не учтены. Мне было трудно развивать те контакты, которые у меня уже были. <...> мне приходилось

своих целях ее носителей — респондентов, информантов, экспертов, наблюдаемых, нарушая тем самым одно из главных этических требований — видеть в человеке цель, а не средство. Поэтому каждое такое исследование изначально содержит элемент неэтичности» [Веселкова 2000: 110].

⁸ М., эксперт в области антропологии и социологии города.

⁹ М., эксперт в области антропологии и социологии города.

снова связываться с теми же людьми, и они говорили: «Господи, вы нам тут напортачили такого! Что вы тут еще собираетесь делать?». Мне было очень сложно продолжать исследование¹⁰.

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ И НАЧАЛО РАБОТЫ

В случае включенного наблюдения антрополог может и вовсе никак не представляться без необходимости, но, собирая интервью под запись, он обязан проговорить «легенду». Иногда информанты по-своему ее интерпретируют, и изменить их представление о себе довольно трудно. Молодым специалистам часто приписывается роль дипломников на практике, а старшим коллегам — роль диссертантов. В результате на этой почве и в силу ряда других причин профессионал, не сумевший или не захотевший разъяснить своих истинных намерений, начинает балансировать на зыбкой грани — между «недоговариванием» и обманом.

Как в любом поле, если ты общаешься с активистами, то они понимают, что за институция, которую ты представляешь, и все такое, зачем все это нужно. А так, как везде: ой, девочке надо помочь диплом написать. В основном воспринимают как какой-то индивидуальный проект, частный, мне кажется¹¹.

[Иногда] им [людям] наоборот сложно донести, что ты от них хочешь, и зачем это все. Так несколько раз интервью срывались, когда я договаривалась, приходила, доставала диктофон, а они говорили: «Не надо записывать». Я устно немного говорила, уходила и никуда это соответственно не отправляла. Странные моменты бывают, когда люди ведут с тобой диалог, не очень понимая, что происходит¹².

Сложности, связанные с работой с диктофоном, в прикладном поле открываются с новой стороны. Оставляя за рамками ситуацию записи исподтишка — она заведомо недопустима — остановилось на другом сюжете. Иногда существуют договоренности с заказчиком о том, что аудиофайлы с записями интервью должны быть переданы вместе с отчетом. В этом случае исследователь во время интервью начинает ощущать не только ответственность за качество вопросов, которые он задает, но и фактически за то, что он объективно не может контролировать, — за монологи информантов, которые впоследствии возникает желание цензурировать. В порыве искренности они могут раскрывать «лишнюю» информацию — давать такие сведения, которые потенциально могут навредить представителям исследуемого поля. В этой ситуации, как поделилась одна из экспертов, она чувствует себя максимально некомфортно, потому что не может контролировать, «цензурировать» речь своих информантов:

Действительно ты понимаешь, что ты не делаешь исследование от начала и до конца, не сам расшифровываешь и потом решаешь, что можно показывать, а что

¹⁰ Ж., эксперт в области антропологии детства.

¹¹ Ж., эксперт в области антропологии детства.

¹² Ж., эксперт в области символической антропологии, философии языка.

нельзя, ты записываешь то, что происходит, а расшифровывает кто-то другой. И потом работаешь или не работаешь с расшифровками, или пишешь по собственным записям отчет, а с расшифровками работает кто-то другой. Это самое странное, неудобное и пугающее в этом контексте получается, потому что ты никогда не знаешь, в какой момент нужно выключить диктофон, в какой включить, не сказали ли тебе лишнего информанты, что не нужно было говорить случайно, и ты этого не заметил.

Я переживала, что люди что-то скажут про документы, право на собственность, если у них есть какие-то проблемы, и потом это куда-то попадет случайно, мало ли, потому что не я расшифровываю. Поэтому, наверное, это вызывало сложности и противоречивые чувства, когда ситуация выходила из-под контроля и развивалась не так, как хочется и как ожидаешь¹³.

Для разрешения подобных проблем существует такой инструмент, как информированное согласие, но и он не всегда работает, так как информант не всегда хорошо представляет, что может повлечь негативные последствия.

Еще один вопрос связан с презентацией заказчика. Несмотря на то что беспрекословной ценностью является кристальная честность перед информантом, иногда все же встает вопрос о том, насколько уместно называть имя заказчика: некоторые исследуемые группы начинают игнорировать интервьюера, узнав, кто является инициатором исследования. Это отражается на результатах исследования — подобные сообщества, отказываясь от участия в исследовании, могут остаться неуслышанными.

РАБОТА НАД ОТЧЕТНЫМИ ДОКУМЕНТАМИ

Финальная стадия работы антрополога состоит в написании отчета и презентации результатов. Она, безусловно, имеет прямую связь с предварительной (еще разработка методологии задает вектор, который в определенной мере диктует содержание итогового отчета), но в то же время отражает то, насколько удалось достичь поставленных целей. Качественные исследования специалистов, выполненные в феноменологическом ключе, по объективным причинам включают в себя достаточно ограниченное количество материалов, не последнюю роль играют и жесткие временные ограничения на проведение исследования. Для того чтобы избежать фальсификаций — что по своей сути тоже является этической проблемой — с самого начала необходимо определиться с выборкой, затем корректно обобщить собранный материал, проиллюстрировать отчет, избегая манипуляции данными. Иногда есть риск проигнорировать мнение определенных групп информантов, пусть это и считается признаком непрофессионализма, но время от времени кто-то из собеседников оказывается чуть больше симпатичен исследователю. Необходимо помнить о подобных уловках собственной психики и контролировать подобные моменты.

---

¹³ Ж., эксперт в области символической антропологии, философии языка.

Там и левое радикальное, и правое радикальное, в любом случае, отличающееся от твоих представлений о прекрасном. Я думаю, что это не обязательно может быть завязано на политику, условно говоря, это может быть бабушка-пенсионерка, у которой какой-то свой набор взглядов на то, что нужно городу, какие нужны общественные пространства. Ты думаешь: «Бабуля, ты просто не знаешь, как выглядят в Роттердаме общественные пространства, поэтому и говоришь, что, типа, нужно поставить елку и пионеров с горнами, потому что ты просто ничего не видела и не знаешь». Будем игнорировать мнение бабушки, потому что она... Типа, молодой талантливый, креативный местный житель, мы с ним на одной волне, он мне правильно все рассказал про город¹⁴.

Финальная стадия работы на каждом из этапов, выделенных в предыдущем параграфе, оказывается неоднозначной потому, что социальных исследователей просят дать практические рекомендации — посоветовать, каким образом нужно работать с изучаемым пространством или объектом дальше. В этом переходе от работы, связанной с фиксацией данных, к определенному рода программированию — большая возможность для социальных исследователей, и в то же время — большая ответственность. С одной стороны, антрополог может повлиять на складывающуюся ситуацию, с другой, помня о «родовой травме» антропологии, связанной с колониальными сюжетами, иногда делает это довольно неохотно. Исследователь отдает себе отчет в том, что разные группы городского населения имеют различные «нормы», и в этих условиях «норма», к которой стремится заказчик¹⁵, объективно не может быть камертоном, с которым стоит сверяться. Многообразие жизненных стратегий горожан усложняет работу прикладного исследователя: давая рекомендации, он вынужден взять на себя ответственность за последствия, в то время как академические исследователи ее избегают.

Болезненная точка – антропология и политика. Потому что ты понимаешь, что, с другой стороны, ты всю жизнь живешь в академии, жалуешься на то, что ты ни на что не можешь повлиять. У тебя появляется эта возможность, у тебя появляется политик, который хочет слушать ученых, которому хочется, чтобы мы подсказали, куда ему двигаться и как ему развиваться. И тут получается, что ты, как антрополог, слушаешь разные точки зрения, ты не можешь принять решение, то есть ты не можешь сказать, как бы... ты для себя не можешь сказать, что правильно¹⁶.

Отчет в структуре отношений, складывающихся между заказчиком, исследователем и информантами, — не просто текст, он превращается в линзу, через которую заказчик смотрит на исследуемое антропологом поле. Представление сообщества и отдельных его членов тоже не столь однозначная задача.

Насчет «не навреди». Тут, конечно, встает вопрос публичности, вопрос записи и вопрос работы с записями после того, как ты их записал, что ты с ними делаешь.

¹⁴ М., эксперт в области городской антропологии и интернет-фольклора.

¹⁵ В противном случае мы оказываемся перед лицом классической «эволюционистской этики». Еще о британском колониализме А. А. Никишенков пишет: «Эволюционистская этика вольно или невольно совпадала по своей сути с колониалистскими стереотипами мышления, распространенными в самых разных слоях британского общества» [Никишенков 2019].

¹⁶ Ж., эксперт в области антропологии Севера.

Я понимаю, что, записав какого-нибудь вполне себе интеллигентного дедушку-краеведа, если ты просто дословно расшифруешь то, что он сказал, мы понимаем, что устная прямая речь зачастую сопряжена с таким количеством экзаний, меканий и слов-паразитов, что в самой точной расшифровке этот дед будет выглядеть пнем, который трех слов связать не может, и, публикуя его речь в таком виде, поместив на выставке какую-нибудь цитату из нее, ты выставляешь его в крайне невыгодном свете. Если ты показываешь эту цитату ему для согласования, то с очень большой вероятностью он скажет: «Ни в коем случае», — и потом переписшет ее так, что она будет казенная, страшная, и вообще совсем не то, что он говорил, и ему будет казаться, что так это звучит приличнее. В таком случае ты совершь по сравнению с тем, что на самом деле было сказано, но зато не навредишь человеку. Это одна из историй¹⁷.

Отдельно стоит сказать о формате отчетных документов: необходимо заботиться об их «читаемости». На первом месте оказывается не объем труда, сданного заказчику, а правильно расставленные акценты. Четкая организация финального текста или презентации хотя бы отчасти гарантирует эффективность проведенной работы. Заказчика необходимо сориентировать, в противном случае он сориентируется сам и будет интерпретировать предоставленный материал самостоятельно, в результате подобное упражнение может негативно отразиться на исследуемом сообществе. В частности, если те или иные тезисы иллюстрируются цитатным материалом, то необходимо прояснить, что приведенные реплики — не прямой призыв к действию, а, в первую очередь, свидетельство неголословности выводов:

Когда мы начинаем мямлить свои академические формулировки, то это не работает. Если взглянуть на какой-нибудь старый отчет, я прямо вижу, где они смогут прочитать, что здесь написано, а где не то, что это слишком умно, но просто недостаточно отчетливо и недостаточно практически ориентировано¹⁸.

ЗАКАЗЧИК В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ

Отчасти вышеперечисленные моменты, касающиеся взаимодействия с информантами, в той или иной мере обращают на себя внимание и при работе с заказчиком. Тем не менее, в этом параграфе в первую очередь хотелось бы остановиться на проблемах, связанных с высокой степенью зависимости исследователя от заказчика, с невозможностью контроля за деятельностью заказчика, с особенностями командной работы в расширенном (а не только исследовательском) составе.

ПРОБЛЕМА «НЕАНГАЖИРОВАННОСТИ» ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Одной из центральных во взаимодействии с заказчиком оказывается проблема частичной потери исследователем собственной автономности. Всю свою деятельность в коммерческом проекте антрополог вынужден соотносить с фигурой «контролера»: и предмет исследования, и ход

¹⁷ М., эксперт в области городской антропологии и интернет-фольклора.

¹⁸ М., эксперт в области фольклора и антропологии города.

исследовательской работы, и степень востребованности собранных результатов в итоге во многом определяются «извне».

Просто сама идея в том, что если тебе платят деньги за исследования, то ты должен отрабатывать эти деньги, это некоторый груз, давление, встает вопрос про независимость. Какой же он независимый, если ему заплатила такая-то компания или такая-то структура?¹⁹

Помимо оценки исследователя информантами здесь важным оказывается и самооощущение.

Как правило, все юридические права на исследование также принадлежат заказчику, поэтому со сдачей отчетных документов автор до определенной степени больше не владеет собранным материалом и совершенно точно не может контролировать то, каким образом он используется на следующих этапах.

Тот факт, что исследование заказано, а не инициировано его исполнителем, налагает ряд ограничений. Самые главные из них заключаются в определении границ поля и хода исследования: заказчик может купировать вопросы, которые на этапе разработки технического задания ставит перед собой исследователь, иногда старается влиять на состав информантов, согласовывает или пытается корректировать «легенду».

Чем отличается прикладное исследование от академического? Тем, что, начиная прикладное исследование, ты с самого начала ставишь рамки. Эти рамки являются внешними, по отношению к объекту исследования и к предмету исследования. Эти рамки навязаны тебе заказчиком.

Эти рамки – это фильтр, который отфильтровывает ту часть истории, ту часть жизни, то явление, которое ты исследуешь, ту часть, которая интересна для решения конкретных задач конкретного заказчика. То есть, с точки зрения холистического антропологического подхода, это фигня, потому что ты не целиком и полностью на это смотришь, а смотришь из очень определенной перспективы, довольно жесткой²⁰.

Бывает, исследователю приходится сталкиваться с ситуацией, когда заказчик уже сформировал концепцию проекта и требует лишь подобрать подходящий цитатный материал для того, чтобы подтвердить собственные гипотезы, но не получить факты, позволяющие уточнить концепцию. Все вышеперечисленные ситуации показывают, что позиция «нанятого», оплачиваемого специалиста узковизима.

Тоже такая практика, когда нужны только цитаты... Когда у заказчика есть уже готовая какая-то идея, например, как бывает с проектами X, по крайней мере, у меня пару раз было. То есть у них уже есть готовая концепция. И нужно проверить несколько гипотез этой концепции, хотя практически получается, что ты проверяешь гипотезу, а решения уже приняты, их уже не изменят. «...» Если подойти инструменталистски, практически, то на деле получается, что ты просто собираешь подходящие цитаты под какую-то готовую канву, что тоже, на мой взгляд, не всегда бывает верно²¹.

¹⁹ М., эксперт в области городской антропологии и интернет-фольклора.

²⁰ М., эксперт в области антропологии и социологии города.

²¹ Ж., эксперт в области антропологии города, специализируется на изучении локального текста города, мифологии города, городских субкультурах.

Иногда проведенное социальное исследование остается по своей сути бутафорским, так как реализуется, по ощущению исследователей, «ради галочки» в рамках корпоративных программ социальной ответственности или наряду с пространственным и транспортным анализом. Новая непривычная сфера — антропология — на данный момент может выполнять не содержательную, а имиджевую функцию.

На моем опыте всегда было так, что конкретизировать задачи приходилось нам самим, потому что заказчики не очень понимали, в каких категориях мы будем об этом думать. И, во-вторых, по-видимому, иногда это делается просто для того, чтобы это сделать. Ну, было что-то такое — запустили антропологов. Как мы знаем, на эти результаты довольно часто не особенно ориентируются. И сам механизм «... доведения и учтения этих результатов теми, кто принимает решения, он таков, что, как правило, от них по дороге ничего не остается»²².

Роль антрополога во взаимодействии с заказчиком

Во избежание наиболее травматичных с этической точки зрения ситуаций ведущему антропологу, очевидно, стоит позиционировать себя в качестве консультанта, наделенного определенным статусом: жестко обозначать свою позицию и цели, пресекая заведомо неэтичные требования заказчика, вроде проведения исследования с заведомо известным результатом.

Антрополог, работающий над прикладными проектами, часто выступает в роли переводчика, так как помогает заказчику понять обыденные высказывания горожан, их опыт и привычки, именно в этом ценность профессионала. Отчет антрополога отчасти выполняет функцию рупора, через который доносятся голоса горожан. Сложность, с которой он сталкивается, заключается в том, что иногда ему приходится воспитывать заказчика: объяснять, что избранные стратегии не годятся в силу приземленности (к примеру, предполагают лишь потребительские сценарии) или полного несоответствия ожиданиям и возможностям аудитории, на которую они ориентированы. Успех консультанта заключается в том, чтобы разработать такие рекомендации, которые помогут установить компромисс между социальной справедливостью и коммерческой состоятельностью проекта.

РАБОТА В КОМАНДЕ

Как уже было упомянуто выше, в определенной мере приглашенные исследователи чувствуют свою «оторванность» от большой команды того или иного реализуемого проекта, так как часто не имеют представления о том, в какой мере способны влиять на его дальнейшее развитие. Кроме того, часто они просто недостаточно хорошо информированы о перспективах развития проекта. Ведущие антропологи, теснее взаимодействующие непосредственно с заказчиком и другими членами проектной команды, более явно ощущают свою причастность к

---

²² М., эксперт в области фольклора и антропологии города.

финальной версии реализуемых проектов, даже несмотря на то, что от их рекомендаций может оставаться очень маленький след.

Из своего личного опыта общения с руководителем одного из проектных бюро, которое пользуется услугами антропологов, я знаю, что первый, исследовательский, этап сотрудниками бюро расценивается как шаг, нацеленный на вовлечение локального сообщества в проект. Именно поэтому считать, что социальный исследователь в поле является нейтральным наблюдателем, было бы неверно. К тому же, даже ничего не обещая, а лишь информируя людей о проекте тем или иным образом, он уже формирует некоторые ожидания. В этой ситуации спорной причастности к финальной версии проекта решающим оказывается не то, насколько к голосу антрополога в результате прислушался заказчик, а то, что он все равно вносит свой вклад в проект, пусть и незримо на первый взгляд. Таким образом, как бы исследователю ни хотелось занять защищенную позицию стороннего наблюдателя, он оказывается полноценно вовлечен.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОРПОРАЦИЕЙ

Профессиональная ответственность, безусловно, заключается в том, что исследование должно быть проведено аккуратно и правдоподобно отражать картину действительности. Тем не менее есть несколько нюансов, которые отметили мои собеседники в ходе разговора об этике прикладных полевых исследований. Остановлюсь на них подробнее.

КОРРЕКТНОСТЬ ПРОВЕДЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЕГО РЕЗУЛЬТАТОВ

Существенным препятствием на пути решения исследовательских задач оказывается серьезное ограничение во времени, которое является неизменным атрибутом прикладных исследований.

Мне важно, чтобы поле было серьезное, более-менее фундаментальное. Необязательно по Малиновскому, 15 месяцев сидеть. Понятно, что ни так, ни так не бывает. Меня всегда раздражало, что мало времени, что нужны быстро какие-то результаты, потому что я продолжал это мерить привычными мне мерками представления о прекрасном, как бывает в академических исследованиях²³.

В условиях дефицита времени иногда вынужденно приходится поступаться принципом холизма, который в академическом поле является основополагающим. Если при этом ограничен еще и бюджет, и в поле приходится работать в одиночку, то отказаться приходится и от триангуляции. Как правило, заказчик требует дать ответы на вполне конкретные вопросы, оставляя за пределами внимания следующее обстоятельство — полноценный ответ на поставленные вопросы, как правило, можно дать, лишь изучив более широкий контекст.

---

²³ М., эксперт в области фольклора и антропологии города.

Исследователям приходится прибегать к упрощениям и обобщениям, риск непреднамеренных фальсификаций даже при самых благих намерениях в этих условиях возрастает в разы.

Не только исследователи ограничены во времени, но и их заказчики. Как правило, у них есть возможность ознакомиться лишь с резюме исследования или лаконичной презентацией, поэтому представление финальных результатов настолько же важно, насколько их сбор и интерпретация. Расставляя те или иные акценты, исследователь направляет внимание заказчика на одни проблемы, и при этом иногда невольно, а иногда умышленно нивелирует другие. Осуществление этого выбора также лежит в поле этики.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ VS ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Если антропологи-консультанты видят в прикладных проектах полноценную возможность для самореализации, то академические исследователи участвуют в них, делая ряд оговорок. Во-первых, им труднее справиться с составлением рекомендаций, нередко они даже умышленно стараются уйти от этой задачи. Кроме того, критикуя исследовательскую ситуацию, в которой невозможно «полноценно» погрузиться в поле, некоторые подчеркивают, что прикладные проекты никак не являются их основным видом деятельности.

Это не основной вид нашей деятельности. Это никогда не будет на первом месте в приоритетах и в системе символической ценности того, чем мы занимаемся. Фактически ни для кого какая-то конкретная постановка вопроса не является его собственным основным базовым интересом в данный момент. Тебя не спрашивают. Тебе предлагают, например, исследовать благоустройство, но ты никогда до этого о благоустройстве не думал²⁴.

Он работал в городе X, и на презентации общей был одним из немногих, кто конкретно рекомендации предложил — что делать, что строить. (...) Был очень доволен заказчик его рекомендациями, они были понятны. Было понятно, что там, что надо сделать. Это для [заказчика] был один из самых больших результатов, гораздо больше, чем все наши антропологические расклады²⁵.

Прикладные исследователи, напротив, стараются, как подсказывает один из коллег, «перейти к одиннадцатому тезису о Фейербахе»²⁶: разобравшись, как устроена та или иная ситуация, берут на себя ответственность и предлагают решения, которые позволят привнести в реальность необходимые изменения.

Этические сложности здесь не проявляются напрямую, однако отказ академических исследователей признавать прикладные исследования как полноценные указывает на то, что с методологической точки зрения они не расцениваются как однозначно безупречные, а их результат — не выглядит спорным. Кроме того, исследователи

²⁴ М., эксперт в области фольклора и антропологии города.

²⁵ Ж., эксперт в области антропологии Севера.

²⁶ См. подробнее: [Маркс 1955].

отмечают, что материалы, собранные в ходе прикладных исследований, плохо конвертируются в академические публикации, это опять же связано со спецификой прикладных исследовательских задач, отличных от академических.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕДУЩИХ АНТРОПОЛОГОВ С ПРИВЛЕЧЕННЫМИ

Взаимоотношения коллег — ведущих антропологов с привлеченными — построены на доверии, оно искреннее и, как правило, оправдывающее себя. Тем не менее, отсутствие тотального контроля за собственным собранным материалом и непонимание статуса проекта в условиях ответственности перед информантами время от времени может вызывать некоторое напряжение.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Между задумкой этой статьи и финальными правками прошел почти год. С тех пор произошли серьезные перемены, в последние месяцы с распространением пандемии прикладному исследователю стало существенно сложнее работать — офлайн-исследования (хочется верить, что на время) стали непозволительной роскошью. Представленная картина, задокументированная благодаря высказываниям экспертов на момент лета 2019 года, на данный момент пока остается в прошлом.

Тем не менее, необходимость продолжать работу обуславливает рост популярности разнообразных цифровых методов исследования, ранее многими использовавшихся в первую очередь в качестве дополнительных. Очевидно, что если всего несколько месяцев назад можно было себе позволить обсуждение полевого опыта исключительно в офлайн-плоскости, то теперь интернет-этнография, разговоры с информантами через мессенджеры, мониторинг соцмедиа — основные источники информации для прикладного антрополога, продолжающего свою деятельность. «Клуб любителей интернета и общества» уже стал первопроходцем в области этики цифровых исследований в русскоязычной среде [Этика в Интернет-исследованиях], но, как можно предположить, его копилка наблюдений еще существенно пополнится. Практики же, стоит надеяться, сумеют перенастроить свою полевую работу с учетом цифровых возможностей и новых этических ограничений.

Литература

- Кодекс этики американской антропологической ассоциации. (2000). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 3(1), 173–180.
- Абашин, С. Н. и др. (2006). Форум: этические проблемы полевых исследований. *Антропологический форум*, 2006(5), 6–166.
- Бархатова, Л. А. (2019). Этические дилеммы полевой этнографии. *Социология: методология, методы, математическое моделирование* (4М), 2019(47), 44–66.

- Веселкова, Н. В. (2000). Об этике исследования. *Социологические исследования*, 2000(8), 109–114.
- Маркс, К. (1955). Тезисы о Фейербахе. В К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*, том 3, 1–4. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Никишенков, А. (2019). Морально-этические аспекты прикладных исследований. В *История британской социальной антропологии*. Режим доступа: [https:// culture.wikireading.ru/29252](https://culture.wikireading.ru/29252)
- Троицкий, К. Е. (2019). Зигмунт Бауман: от критики универсализма к безграничной моральной ответственности. *Этическая мысль*, 19(1), 5–19.
- Этика в Интернет-исследованиях. *Официальный сайт Клуба любителей Интернета и общества*. Режим доступа: [http:// clubforinternet.net/school_18/ethics](http://clubforinternet.net/school_18/ethics).
- Bainton, B. R. (2012). Applied ethics: Anthropology and business. *International Journal of Business Anthropology*, 3(1), 114–133.
- Jordan, A. T. (2012). *Business anthropology*. Long Grove, Illinois: Waveland Press.
- Price, D. H. (2017). A Short history of American anthropological ethics, codes, principles, and responsibilities – professional and otherwise. In D. Plemmons, A. W. Barker (Eds.). *Anthropological Ethics in Context*, 23–38. New York: Routledge.

References

- Abashin, S. et al. (2006). Forum: Ethical issues of field research. *Forum for Anthropology and Culture*, 2006(5), 6–166. (In Russian).
- Bainton, B. R. (2012). Applied ethics: Anthropology and business. *International Journal of Business Anthropology*, 3(1), 114–133.
- Barkhatova, L. (2019). Ethical dilemmas of ethnographic fieldwork. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (4M)*, 2019(47), 44–66. (In Russian).
- Ethics in the Internet studies. *Club for Internet and Society Enthusiasts*. Retrieved from http://clubforinternet.net/school_18/ethics. (In Russian).
- Jordan, A. T. (2012). *Business anthropology*. Long Grove, Illinois: Waveland Press.
- Marx, K. (1969). Theses on Feuerbach. In K. Marx, F. Engels. *Collected works*, Vol. 3, 1–4. Moscow: Gosudarstvennoe idzatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian).
- Nikishenkov, A. (2019). Moral and ethical aspects of fieldwork research. *The History of British Social Anthropology*. Retrieved from [https:// culture.wikireading.ru/29252](https://culture.wikireading.ru/29252) (In Russian).
- Price, D. H. (2017). A short history of American anthropological ethics, codes, principles, and responsibilities – professional and otherwise. In D. Plemmons, A. W. Barker (Eds.). *Anthropological Ethics in Context*, 23–38. New York: Routledge.
- The code of ethics of the American Anthropological Association. (2000). *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 3(1), 173–180. (In Russian).
- Veselkova, N. (2000). On research ethics. *Sociological Studies*, 2000(8), 109–114. (In Russian).
- Troitsky, K. (2019). Zygmunt Bauman: From criticism of universalism to unlimited moral responsibility. *Ethical Thought*, 19(1), 5–19. (In Russian).